

Д.Ю. Арапов

(доктор ист. наук, профессор кафедры истории России до начала XIX в. исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова)*

ИСЛАМСКАЯ ПОЛИТИКА ЕКАТЕРИНЫ ВЕЛИКОЙ

Статья посвящена политике Екатерины II в отношении ислама и мусульман России. Исследуются законодательные акты, регулирующие положение отечественного «мусульманства», его институтов (муфтиятов) и исламского «духовенства». Подчеркивается, что политика Екатерины по отношению к исламу носила веротерпимый характер.

Ключевые слова: Екатерина II, ислам, мусульмане России, веротерпимость, муфтияты, халифы, Крым, Оренбург, Уфа, ваххабиты, М.И. Кутузов.

The article deals with the policy of Catherine II towards Islam and Muslims in Russia. The author analyzes legislative acts regulating the status of “Russian Islam”, their institutes (muftiats) and Muslim “clergy”. The article emphasizes the fact that the policy toward Islam of Catherine II was tolerant.

Key words: Catherine II, Islam, Muslim in Russia, tolerance, muftiats, caliphs, the Crimea, Orenburg, Ufa, wahhabits, M.I. Kutusov.

* * *

Религиозная политика Екатерины Великой во многом являлась продолжением деятельности ее великого предшественника Петра I. Оба монарха считали, что религиозные учреждения и служители всех культов в империи должны прежде всего способствовать поддержанию «порядка» и «общественного благополучия» среди подданных державы Романовых. По их общему мнению, институты всех российских конфессий должны были являться верными помощниками светской власти, а первостепенным в их деятельности — защита «державных интересов». Это относилось прежде всего к служителям главной государственной религии России — греко-российской православной веры¹. В то же время в отличие от своих предшественников Екатерина II заметно расширила пределы религиозных свобод для неправославного населения. Особое значение здесь имела екатерининская политика по отношению к наиболее многочисленной нехристианской группе российских подданных — мусульманам.

Нами ранее подчеркивалось, что исламская политика Петра I и его ближайших преемников носила достаточно жесткий характер. Деятельность российского «мусульманства» различными способами

* Арапов Дмитрий Юрьевич, тел. (499) 254-99-62; e-mail: hiztoricbetzy777@yandex.ru

¹ Гаврилов А.В. Православная церковь на территории Латвии в XVIII — начале XIX вв. // Религии мира. История и современность. Ежегодник. 1999. М., 1999. С. 211—214.

ограничивалась: строительство новых мечетей было практически запрещено, поощрялась работа православных миссионерских структур, активно издавались «антимагометанские» сочинения, разоблачающие учение «лжепророка» Мухаммада². Особую жесткость здесь проявила созданная в Казани в 1740 г. Новокрещенская миссионерская контора, служители которой зачастую прибегали к насильственным методам.

Подобные антиисламские действия вызывали недовольство лояльных в целом по отношению к монархии Романовых верхов мусульманской уммы (общины) России. Оно нашло свое отражение в наказах мусульманских депутатов в Уложенную комиссию 1767 г. Здесь мусульмане Казанской, Пензенской, Воронежской и других губерний подчеркивали необходимость снять ограничения в отправлении религиозных обрядов ислама, дабы его последователи могли свободно соблюдать культовые требования «магометанского закона»³.

В это же время и сама Екатерина стала осознавать необходимость изменения исламской политики царизма. Вскоре после своего воцарения императрица упразднила в 1763 г. вызывавшую особое недовольство нехристианских «иноверцев» Новокрещенскую миссионерскую контору. Важную роль в осмыслении Екатериной проблем российского ислама сыграло личное посещение царицей Поволжья весной—летом 1767 г., незадолго до начала работы Уложенной комиссии. Побывав в Казани, Екатерина писала Вольтеру: «В этом городе 20 различных народов, вовсе не похожих друг на друга... можно найти [для них] общие правила? Это почти все равно, что создать целый мир»⁴.

Представляется, что именно пребывание Екатерины в Поволжье убедило царицу в необходимости воспринимать ислам как объективную данность и начать воплощать в жизнь для «спокойствия» империи политику «религиозного многообразия»⁵. Поэтому так точно прозвучали вскоре произнесенные в июле 1767 г. при открытии Уложенной комиссии слова екатерининского Наказа, в которых подчеркивалось: «весьма бы вредный для спокойствия и безопасности своих граждан был порок, запрещение и недозволение их различных вер»⁶. Данное положение в целом вписывалось в рамки

² Арапов Д. Ю. Ислам в петровской России // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 8. История. 2012. № 4.

³ История Татарии в материалах и документах. М.; Л., 1937. С. 344.

⁴ Цит. по: Соловьёв С. М. История России с древнейших времен // Соловьёв С. М. Сочинения. Кн. 14. Т. 27. М., 1994. С. 49—50.

⁵ Ибнева Г. Путешествие Екатерины II по Волге в 1767 году: узнавание империи // Ad imperio. 2000. № 2. С. 98.

⁶ Полное собрание законов Российской империи. Собр. I. 1767—1769. Т. 18. СПб., 1830. С. 275.

идеологии просвещенного абсолютизма, свойственной для второй половины XVIII в.

Реализация принципа веротерпимости в Российской империи была во многом стимулирована событиями тех лет — первым разделом Речи Посполитой в 1772 г. и русско-турецкой войной 1768—1774 гг. Необходимость обоснования права на защиту интересов православного населения («диссидентов») на территории католической Польши, стремление обеспечить спокойствие мусульманского населения Крыма, занятого русскими войсками, способствовали тому, что курс на политику религиозной толерантности в России стал реализовываться на практике, причем в первую очередь по отношению к «магометанству». 17 июня 1773 г. веротерпимость была провозглашена в царском указе Синоду, в котором православным архиереям запрещалось вмешиваться в дела «магометанского закона» и разрешалось строительство мечетей для российских мусульман⁷. Показательно, что признание необходимости конфессиональной терпимости произошло тогда почти одновременно в двух соперничавших за контроль над страной политических лагерях. Так, осенью 1773 г. принцип религиозной свободы для мусульман начал практически реализовываться в Поволжье и Приуралье «императором Петром Федоровичем» — Е.И. Пугачевым, который всячески стремился привлечь на свою сторону местное татаро-башкирское население. Представляется, что оба соперника в борьбе за власть над Россией — Екатерина и Пугачев — таким образом отразили назревшую общегосударственную потребность в проведении более гибкой политики по отношению к неправославному населению империи, в первую очередь мусульманам.

В это время исламский фактор занимал существенное место в ходе проходивших тогда русско-турецких переговоров о прекращении военных действий между монархиями Романовых и Османов. Здесь обозначилась проблема обеспечения неприкосновенности религиозной жизни татарского населения Крымского ханства. Заняв в 1772 г. территорию Тавриды, Россия настаивала на выводе владений Гиреев из-под государственного суверенитета Османской державы. При этом русская сторона заявляла о своей готовности признать незыблемость позиций ислама в Крымском ханстве. Русские дипломаты хорошо знали о традиции не только политического, но и религиозного подчинения мусульман Тавриды Стамбулу. В христианской Европе было известно о сложившемся еще в XVI в. обычае, в рамках которого турецкие государи выступали не только как светские правители — султаны, но почитались и как халифы —

⁷ Там же. Т. 19. СПб., 1830. С. 775—776.

духовные руководители всех мусульман суннитского толка⁸. При переговорах с турками русская сторона была готова согласиться с сохранением этих исламских реалий, но одновременно стремилась добиться своих давних политико-религиозных целей — получить от Порты признание права Петербурга на защиту духовных интересов христианских, прежде всего православных жителей державы Османов.

Среди русских документов, освещающих планы решения этих вопросов, особый интерес представляет проект русско-турецкого мирного договора, подготовленный известным российским дипломатом Алексеем Михайловичем Обресковым⁹. Он провел в Турции 20 лет (1751—1771) и великолепно представлял значение османских мусульманских реалий¹⁰. В проекте Обрескова, относящемуся ко времени проведения Бухарестского русско-турецкого мирного конгресса (октябрь 1772 — март 1773 г.), подчеркивалось жесткое требование России об обретении Крымом политической независимости от Порты. В то же время русская сторона заявляла о своей готовности пойти на определенные тактические уступки туркам. Обресков считал возможным согласиться на предоставление Россией письменных гарантий действия в Тавриде «магометанского закона» со всеми его обрядами. По словам русского дипломата, Петербург был готов признать сохранение в Крыму «высшей духовной власти его салтанова величества яко калифа, начальника всех князей мусульманских и двух священных мест защитника»¹¹. Алексей Михайлович заявил о согласии продолжать упоминать имя халифа во время праздничных и пятничных богослужений в соборных мечетях городов Крыма, получать из Стамбула законное утверждение («мурсале») вновь утвержденным таврическим исламским судьям. В ответ на подобные уступки в мусульманском вопросе, по мнению Обрескова, турецкая сторона должна была обеспечить в дальнейшем «твердую защиту христианским закону и церквям» на османской территории и, самое главное, взять на себя обязательство принимать российские «представления» по тем или иным «обстоятельствам» жизни турецкоподданных христиан.

Как известно, Бухарестский конгресс не привел к окончанию боевых действий, и они снова возобновились. Лишь в июле 1774 г. был наконец подписан завершивший эту изнурительную войну

⁸ Бартольд В.В. Халиф и султан (1912 г.) // Бартольд В.В. Сочинения. Т. VI. М., 1966. С. 65—75.

⁹ Дружинина Е.И. Русский дипломат А.М. Обресков // Исторические записки. Т. 40. М., 1952.

¹⁰ Текст проекта А.М. Обрескова см.: Дружинина Е.И. Ключук-Кайнарджийский мир (его подготовка и заключение). М., 1955. С. 338—347.

¹¹ Имелась в виду роль турецких султанов как покровителей двух важнейших по своей исламской святости арабийских городов — Мекки и Медины.

Кючук-Кайнарджийский мирный договор¹². Заметное место среди его решений заняли религиозные сюжеты. Наиболее существенным среди договоренностей по мусульманскому вопросу было зафиксированное в артикуле III договора 1774 г. признание Россией, первой среди великих европейских держав того времени, права духовной власти султанов-Османов как «верховных калифов магометанского закона»¹³. По мнению выдающегося русского исламоведа академика В.В. Бартольда, высказанному в 1912 г., данное положение трактата 1774 г. означало международное признание османского халифата¹⁴. По более позднему заключению Е.И. Дружининой (1955 г.), добившись в Кючук-Кайнарджи своей основной цели — признания политической независимости Крыма, русская дипломатия согласилась на сохранение духовной зависимости мусульман Тавриды от халифов-Османов и пошла на серьезные, возможно чрезмерные уступки¹⁵.

Следует отметить вместе с тем, что в отличие от проекта Обрескова, в тексте договора 1774 г. формы османского религиозного суверенитета над мусульманами Крыма не были детально конкретизированы. В трактате 1774 г. лишь подчеркивалась необходимость всем «татарским народам», пребывавшим под властью Гиреев, в «духовных обрядах... сообразовываться... законам их» [т.е. нормам шариата] и оставаться в духовном «рассуждении» султанов-халифов¹⁶. Придание данной части текста договора 1774 г. заметной расплывчатости можно считать существенным успехом русской дипломатии, ибо появилось законное основание мешать турецким мусульманским кругам вмешиваться в те или иные стороны конфессиональной жизни исламской общины Тавриды. В то же время Петербургу не удалось добиться своих целей в решении «христианского дела». Так, по договору 1774 г. Порты обязалась в целом обеспечить «твердую защиту интересов христианского закона» на своей территории, но она не была обязана считаться с русскими «представлениями» по всему кругу проблем духовной жизни турецких христиан. Удалось лишь добиться принятия турками на себя обязательства принимать российские запросы по весьма узкому вопросу — по делам службы в основываемой при царском посольстве в Константинополе православной церкви¹⁷.

¹² Текст данного договора см.: Под стягом России. Сб. архивных документов. М., 1992. С. 78—93.

¹³ Значительная часть султанов-халифов реально не управляла делами, и государственная политика Турции осуществлялась их ближайшим окружением (см.: Фрим Д. Тайны османского двора. Частная жизнь султанов. Смоленск, 2004).

¹⁴ Бартольд В.В. Халиф и султан... С. 75—80.

¹⁵ Дружинина Е.И. Кючук-Кайнарджийский мир... С. 280—281.

¹⁶ Под стягом России... С. 81.

¹⁷ Там же. С. 84.

Мусульманский фактор в жизни Тавриды в последующие девять лет занимал центральное место в исламской политике России. В 1779 г. по Айналы-Кавакской конвенции, заключенной между Россией и Турцией, Петербург добился отказа Порты от традиции «утверждения» заново избираемых на престол крымских ханов. Однако за султанами-халифами тогда было сохранено право даровать «духовное благословление» новому государю Тавриды — представителю династии Гиреев¹⁸.

В конце 70-х — начале 80-х гг. XVIII в. крымский вопрос стал все сильнее беспокоить русскую администрацию Юга России. На территории государства Гиреев турки неоднократно устраивали различные антирусские военные и политические провокации, имевшие, как правило, исламскую окраску. Внутри Крыма сохранялась политическая нестабильность¹⁹.

Подобное развитие событий привело власти империи к убеждению в необходимости ликвидировать самостоятельность Тавриды, упразднить власть ханов-Гиреев и присоединить территорию их владений к России. Ключевую роль в подготовке этой акции сыграла сама Екатерина II и два ее ближайших соратника — Г.А. Потемкин и А.А. Безбородко.

8 апреля 1783 г. был принят один из важнейших законодательных актов екатерининского царствования — Манифест о присоединении Крыма и его кавказских владений к империи Романовых. В этом документе Екатерина провозгласила обещание мусульманам Тавриды «охранять и защищать их лица, храмы и веру, коей свободное отправление со всеми законными обрядами пребудет неприкосновенно»²⁰. Был предпринят ряд мер по выстраиванию отношений с мусульманскими духовными кругами Крыма. Таврический суннитский муфтият (духовное правление) был сохранен, его служители получали российское казенное содержание. По указу от 16 октября 1783 г. выплата «надлежащего содержания» также гарантировалась низшим категориям мусульманских духовных лиц Крыма, служившим в мечетях и исламских учебных заведениях²¹. В ответ на подобные материальные затраты имперские власти рассчитывали на проявление необходимой политической лояльности со стороны этой группы населения Тавриды.

Вплоть до конца 1783 г. важнейшей целью российской дипломатии являлось сохранение мира с Османской империей и получе-

¹⁸ Дружинина Е.И. Кючук-Кайнарджийский мир... С. 361—365.

¹⁹ Дружинина Е.И. Северное Причерноморье в 1775—1800 гг. М., 1959. С. 92.

²⁰ Арапов Д.Ю. Манифест 8 апреля 1783 г. «О присоединении Крыма к России». Подготовка, принятие, международное признание // Императорская Россия и мусульманский мир. Сб. материалов / Сост. Д.Ю. Арапов. М., 2006. С. 25.

²¹ Лашков Ф. Князь Г.А. Потемкин-Таврический как деятель Крыма. Краткий очерк по архивным данным. Симферополь, 1890. С. 15.

ние от нее признания новых черноморских реалий. В ходе сложных переговоров с турками одной из ключевых тем оставался мусульманский вопрос. Огромную роль здесь тогда сыграл русский посланник в Турции в 1781—1789 гг. Яков Иванович Булгаков. Товарищ Г.А. Потёмкина по учебе в гимназии Московского университета, Булгаков был искусным и опытным дипломатом, твердо отстаивавшим внешнеполитические интересы России²². Переговорная деятельность Булгакова, в том числе по мусульманскому вопросу, находилась под пристальным вниманием Екатерины. В своем письме Булгакову от 3 октября 1783 г. царица писала: «При трактовании с Портою... должно всемерно удаляться от принятия каких-либо условий или ручательств о сохранении в татарских областях веры магометанской, отношения к калифу оной, о соблюдении татар при древних их обычаях и тому подобном. Повелевая Вам устраняться от сих изъяснений, мы конечно не имеем намерения угнетать их совесть относительно веры их или же утешать их в гражданском состоянии. Известно всему свету, что ни то, ни другое нам не свойственно... Мы желаем, чтоб подвластные скипетру нашему обязаны были их благоденствию единственно нашему о них промыслу и правилам, на коих мы царствование наше однажды навсегда основали, а отнюдь не посторонним заступлениям и ручательством, кои с достоинством нашим вместе быть не могут»²³.

В конечном счете 28 декабря 1783 г. был подписан «акт заключительный» между Россией и Турцией, в котором констатировалось «новое состояние вещей» в Северном Причерноморье, т.е. Порты фактически признавала присоединение территории упраздненного ханства Гиреев к России²⁴. Русской стороне удалось добиться того, что в акте 1783 г. отсутствовали какие-либо официальные упоминания о русских обязательствах по вопросу религиозных прав своих новых подданных «магометанского закона». Тогда же было объявлено о формальном прекращении действия артикула III договора 1774 г., где упоминалось о духовном верховенстве султанов-халифов над мусульманами Крыма²⁵. Вместе с тем необходимо учитывать, что все последующие правители России до В.И. Ленина включительно обязаны были в своей внутренней и внешней поли-

²² Булгаков Яков Иванович // Большая энциклопедия. Т. 7. М., 2006. С. 439.

²³ Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. 89. Оп. 8. Д. 613. Л. 26—27.

²⁴ Арапов Д.Ю. Мусульманский вопрос в русско-турецких отношениях (70-е — начало 80-х годов XVIII в.) // Особенности российского исторического процесса. Сб. статей памяти академика Л.В. Милова (к 80-летию со дня рождения). М., 2009. С. 336.

²⁵ Некрасов А.М. Крымское ханство // Отечественная история. История России с древнейших времен до 1917 г. Энциклопедия. Т. 3. М., 2000. С. 183.

тике считаться с фактором воздействия духовного авторитета имени халифов-Османов на исламский мир²⁶.

После присоединения Крыма к России царские власти стали более активно, чем раньше встраивать мусульманскую общину в государственную и социальную структуры империи. Начался процесс инкорпорации мусульманской верхушки в состав российского «шляхетства». По указу от 22 февраля 1784 г. на татарских князей и мурз распространялись все права и привилегии российского дворянства, кроме возможности владеть крепостными-христианами²⁷. Следует отметить, что предоставленными возможностями реально воспользовались не все представители мусульманской родовитой элиты. Многие из них не могли документально подтвердить «благородство» своего происхождения, были небогаты и поэтому даже не возбудили ходатайства о включении своих фамилий в губернские родовые дворянские книги. Это было характерно для той части татарско-башкирской знати Поволжья, Приуралья и Тавриды, которая не отличалась «ни по воспитанию, ни по занятиям от крестьян-хлебопашцев»²⁸. Определенные отличия имело регулирование прав дворян-татар, проживавших на бывших польских территориях. Здесь они ранее неизбежно обладали главным правом дворян — владеть землями и крестьянами без различия их вероисповедания. Сугубо по политическим причинам Екатерина в 1794 г. разрешила сохранить в Западных губерниях это традиционное право местного исламского дворянства²⁹.

Особое внимание имперские верхи уделили организации структур управления духовной жизни российских мусульман. Известно, что в исламе нет церкви, ему чужды институты священства и монашества. Между тем царские власти пытались на практике выстроить нечто вроде «Русской Исламской церкви». Они исходили прежде всего из стремления обеспечить «правительственные» цели контроля над российским «мусульманством» в интересах «государственного порядка».

В данном случае русская администрация отталкивалась от турецко-крымского опыта существования «огосударствленной системы» суннитских муфтиятов, генетически восходящих к XV в. В отечественной ориенталистике подчеркивается, что эта по сути своей

²⁶ Арапов Д.Ю. Мусульманский фактор во внешней политике России XIX — начала XX в. // Преподавание истории и обществознания в школе. 2008. № 1.

²⁷ Полное собрание законов Российской империи. Собр. I. 1784—1788. Т. 22. СПб., 1830. С. 51—52.

²⁸ Арапов Д.Ю. Система государственного регулирования ислама в Российской империи (последняя треть XVIII — начало XX в.). М., 2004. С. 54.

²⁹ Полное собрание законов Российской империи. Собр. I. 1789—1796. Т. 23. СПб., 1830. С. 579.

внешариатская организация возникла под воздействием традиций византийского православия и отвечала политическим интересам светских властей Турции и Крыма³⁰. Информация о подобной структуре управления духовной жизни мусульман в то время могла быть почерпнута как из литературных источников (книги Ф.А. Эмина, Д. Кантемира, Ф.Г. Дильтея), так и в ходе непосредственного ознакомления русских дипломатов и офицеров с жизнью местной исламской общины³¹.

Выше уже отмечалось, что Петербург в 1783 г. сохранил и взял на «казенный кошт» Таврический муфтият. На всей же остальной огромной территории России в то время никаких учреждений по управлению духовными делами мусульман не существовало, и их надо было создавать с «чистого листа». Главным регионом, где происходил процесс формирования новой мусульманской управленческой структуры, стал Юго-Восток империи. Здесь царские власти стремились использовать татарских мулл и купцов для усиления русского влияния в казахской степи. В 1785 г. последовал указ Екатерины о строительстве мусульманских мечетей и школ на территории Малой Орды³², печатании для этих школ учебников на «киргизском наречии» (т.е. казахском языке. — Д.А.). Для бесплатной раздачи среди «киргизцев» в 1787 г. в России был издан Коран, содержащий полный арабский текст Священного писания ислама. В данном случае царица исходила из сугубо прагматических целей и в беседе с генерал-прокурором Сената князем А.А. Вяземским 27 декабря 1787 г. подчеркивала, что все это делалось «не для введения Магометанства, но для приманки [его последователей] на уду»³³.

22 сентября 1788 г. в указе симбирскому и оренбургскому генерал-губернатору О.А. Игельstromу было обнародовано распоряжение Екатерины II «учредить в Уфе духовное собрание Магометанского закона, которое имея в ведомстве своем духовных чинов того закона... исключая Таврической области»³⁴. Главой данного духовного собрания — муфтием царская администрация назначи-

³⁰ *Пиотровский М.Б.* Исторические судьбы мусульманских представлений о власти // Социально-политические представления в исламе. М., 1987. С. 15; *Иванов Н.А.* Организация шариатской власти и административно-хозяйственного аппарата в Османской империи XVI—XVII вв. // Феномен восточного деспотизма: структура управления и власти. М., 1993. С. 241—242; *Васильев А.Д.* Османогутские параллели российским муфтиятам // Pax Islamica. 2011. № 2 (7).

³¹ *Crews R.* Empire and the Confessional State: Islam and Religious Politics in Nineteenth Russia // American Historical Review. 2003. February. P. 56.

³² То есть Малого жуза, охватывающего районы Западного Казахстана.

³³ Цит. по: *Резван Е.А.* Коран и его мир. СПб., 2001. С. 397.

³⁴ Полное собрание законов Российской империи. Собр. I. 1784—1796. Т. 19. С. 1107.

ла своего доверенного человека, русского разведчика в Центральной Азии и на Кавказе, члена Вольного Экономического общества Мухаметджана Хусаинова³⁵. Муфтию было положено годовое жалование в 1500 руб., равное окладу тогдашнего армейского генерал-майора; в помощь ему были определены три «заседателя» из числа «грамотных» казанских мулл с годовым жалованием в 120 руб. В начале своего существования этот муфтият находился в Уфе, затем, в 1796—1802 гг., — в Оренбурге, а при Александре I был возвращен в Уфу, где и пребывал до 1917 г. Так случилось, что за ним закрепилось официальное название — Оренбургское Магометанское духовное собрание (ОМДС)³⁶.

Оренбургский муфтият ведал духовной жизнью мусульман Европейской России (кроме Тавриды) и Сибири. Он проводил «испытания в вере» и назначал лояльных империи мулл, принимал заключения (фетвы) по тем или иным вопросам толкования шариата, выносил окончательные решения по спорным брачным и наследственным делам и др.³⁷ Существенной особенностью «мусульманского духовенства», действовавшего на территории, подведомственной Оренбургскому муфтияту, было отсутствие в его среде жесткого принципа «кастовости». Данная традиция, как известно, господствовала в Крыму, где мусульманские духовные лица подбирались лишь из семей наследственной корпорации знатоков шариата — улемов. И само ОМДС, и его служители были лишены права присуждать «магометан» к телесным наказаниям — это могли делать лишь светские власти империи.

Данные внутренние и внешние акции по отношению к «мусульманству» проводились в годы русско-турецкой войны 1787—1791 гг. и несомненно во многом имели пропагандистский характер. Они должны были продемонстрировать высокую степень толерантности самой Екатерины, ее постоянную заботу об удовлетворении духовных потребностей представителей «конфессиональных миров», обитавших в Северной Евразии.

23 января 1794 г. было объявлено о создании взамен старого гиревского муфтията нового учреждения — Таврического Магометанского духовного собрания (ТМДС) в Симферополе³⁸. 16 сентября

³⁵ В современной литературе высказывают весьма неоднозначные оценки деятельности этого по-своему незаурядного религиозного деятеля. См.: *Хабутдинов А.Ю.* История Оренбургского магометанского духовного собрания (1788—1917): институты, идеи, люди. М.; Нижний Новгород, 2010. С. 48, 52.

³⁶ Там же. С. 6—7.

³⁷ *Арапов Д.Ю.* Система государственного регулирования ислама в Российской империи. С. 50—51; См. также: *Кемпер М.* Суфии и ученые в Татарстане и Башкортостане (1789—1889). Исламский дискурс под русским господством. Казань, 2008. С. 71—78.

³⁸ Там же. С. 52.

1796 г. царским манифестом были определены обязанности его судебной деятельности, право на сбор милостыни — закята — и подчеркнута особая важность «утверждения» его духовной паствы в «непоколебимой преданности к власти Российской»³⁹. В то же время можно констатировать, что тогдашнее решение о создании Таврического муфтията носило скорее формальный характер; практически он был образован лишь при внуке Екатерины II императоре Николае I в 1831 г.⁴⁰

Последнее десятилетие екатерининского царствования было весьма тревожным. Войны с Турцией и Швецией, обострение польского вопроса, а особенно события начавшейся в 1789 г. Французской революции — все это крайне беспокоило стареющую императрицу. Ее особо раздражало упоминание слова «якобинец», ставшего символом самого крайнего радикализма. Отсюда — закономерность посылки Екатериной чрезвычайным послом в Турцию в 1793—1794 гг. одного из ее лучших генералов и организаторов разведки М.И. Кутузова. Михаил Илларионович должен был прежде всего противостоять антироссийским представителям якобинской Франции при султанском дворе⁴¹. В своих турецких донесениях Кутузов неоднократно употреблял понятие «якобинец». Именно из писем Кутузова Екатерина, видимо, первой в России, узнала о появлении в исламе такого радикального течения, как ваххабизм (в европейском восприятии тождественного «якобинству»). В своей реляции от 20 октября 1793 г. русский посол доносил своей государыне о том, что Турция теперь особо занята «заботой о мятежнике Абдул-Вегабе, которого правила, разрушающие богослужения магометанское и как бы якобинца, среди Аравии возникшего, должны, кажется, тревожить ревностных мусульман»⁴².

В целом при оценке исламской политики екатерининского правительства можно согласиться со сделанным в литературе последних лет выводом о том, что имперская власть, защищая прежде всего свои интересы, приняла позитивное для российского «мусульманства» решение, подтвердив «официальный статус ислама и

³⁹ Документы об управлении мусульманами Тавриды в конце XVIII — начале XX вв. (Законодательные акты Екатерины II и Александра I, доклад И.В. Лопухина) / Публ. Д.Ю. Арапова // Сб. Русского Исторического общества. Т. 7 (155). М., 2003. С. 92.

⁴⁰ Мухетдинов Д.В., Хабутдинов А.Ю. Ислам в России в XVIII — начале XX вв.: модернизация и традиции. Нижний Новгород, 2011. С. 42—45.

⁴¹ Арапов Д.Ю. Посольство М.И. Кутузова в Турцию в 1793—1794 гг. // Русь, Россия: Средневековье и Новое время. Вторые чтения памяти академика РАН Л.В. Милова. Материалы к международной научной конференции 17—19 ноября 2011 г. М., 2011. С. 236—241.

⁴² Кутузов М.И. Документы. Т. I. М., 1950. С. 298.

мусульман в многонациональной России» и признав «право мусульманских народов на сложившийся шариатский образ жизни»⁴³.

Представляется, что именно при Екатерине Великой российские власти пришли к пониманию необходимости соблюдать по отношению к своим подданным важнейший принцип стабильности любой империи: «Мы вами владеем, вы нам подчиняетесь, платите налоги, за это живите и веруйте, как хотите». При Екатерине, как и при всех Романовых, главным обязательным условием оставалась абсолютная лояльность по отношению к существующему государственному строю и царствующим монархам со стороны всех подданных империи, в том числе мусульман. Конечно, в XIX в. система государственного регулирования ислама претерпевала определенные изменения. В 1810 г. появилось специальное ведомство по контролю над «иноверцами» — Главное управление (Департамент) духовных дел иностранных исповеданий, просуществовавшее до 1917 г.⁴⁴ Однако основные параметры исламской политики царской России сложились именно при Екатерине II. Несомненно, можно считать, что данная система организации духовной жизни российских мусульман, пребывавшая под постоянным «государственным присмотром», была несовершенна. Но все же, на наш взгляд, она достаточно полно удовлетворяла конфессиональные потребности российской исламской общины и в этом плане резко отличалась от построения религиозной жизни мусульманских народов страны в советское время⁴⁵.

Список литературы

1. *Арапов Д. Ю.* Департамент духовных дел иностранных исповеданий МВД Российской империи // Большая Российская энциклопедия. Т. 8. М., 2007.
2. *Арапов Д. Ю.* Ислам в петровской России // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 8. История. 2012. № 4.
3. *Арапов Д. Ю.* Манифест 8 апреля 1783 г. «О присоединении Крыма к России». Подготовка, принятие, международное признание // Императорская Россия и мусульманский мир. Сб. материалов / Сост. Д. Ю. Арапов. М., 2006.
4. *Арапов Д. Ю.* Мусульманский вопрос в русско-турецких отношениях (70-е — начало 80-х годов XVIII в.) // Особенности российского исторического процесса. Сб. статей памяти академика Л. В. Милова (к 80-летию со дня рождения). М., 2009.

⁴³ Юнусова А. Б. Ислам в Башкортостане. Уфа, 1999. С. 47—48.

⁴⁴ *Арапов Д. Ю.* Департамент духовных дел иностранных исповеданий МВД Российской империи // Большая Российская энциклопедия. Т. 8. М., 2007.

⁴⁵ Более подробно см.: Ислам и советское государство. Сб. документов / Сост. Д. Ю. Арапов. Вып. 2—3. М., 2010—2011.

5. *Арапов Д.Ю.* Мусульманский фактор во внешней политике России XIX — начала XX в. // Преподавание истории и обществознания в школе. 2008. № 1.
6. *Арапов Д.Ю.* Посольство М.И. Кутузова в Турцию в 1793—1794 гг. // Русь, Россия: Средневековье и Новое время. Вторые чтения памяти академика РАН Л.В. Милова. Материалы к международной научной конференции 17—19 ноября 2011 г. М., 2011.
7. *Арапов Д.Ю.* Система государственного регулирования ислама в Российской империи (последняя треть XVIII — начало XX в.). М., 2004.
8. *Бартольд В.В.* Халиф и султан (1912 г.) // Бартольд В.В. Сочинения. Т. VI. М., 1966.
9. *Васильев А.Д.* Осmano-турецкие параллели российским муфтиятам // Pax Islamica. 2011. № 2 (7).
10. *Гаврилов А.В.* Православная церковь на территории Латвии в XVIII — начале XIX вв. // Религии мира. История и современность. Ежегодник. М., 1999.
11. *Дружинина Е.И.* Кючук-Кайнарджийский мир (его подготовка и заключение). М., 1955.
12. *Дружинина Е.И.* Русский дипломат А.М. Обресков // Исторические записки. Т. 40. М., 1952.
13. *Дружинина Е.И.* Северное Причерноморье в 1775—1800 гг. М., 1959.
14. *Ибнева Г.* Путешествие Екатерины II по Волге в 1767 году: узнавание империи // Ad imperio. 2000. № 2.
15. *Иванов Н.А.* Организация шариатской власти и административно-хозяйственного аппарата в Османской империи XVI—XVII вв. // Феномен восточного деспотизма: структура управления и власти. М., 1993.
16. *Кемпер М.* Суфии и ученые в Татарстане и Башкортостане (1789—1889). Исламский дискурс под русским господством. Казань, 2008.
17. *Лашкин Ф.* Князь Г.А. Потемкин-Таврический как деятель Крыма. Краткий очерк по архивным данным. Симферополь, 1890.
18. *Мухетдинов Д.В., Хабутдинов А.Ю.* Ислам в России в XVIII — начале XX вв.: модернизация и традиции. Нижний Новгород, 2011.
19. *Некрасов А.М.* Крымское ханство // Отечественная история. История России с древнейших времен до 1917 г. Энциклопедия. Т. 3. М., 2000.
20. *Пиотровский М.Б.* Исторические судьбы мусульманских представлений о власти // Социально-политические представления в исламе. М., 1987.
21. *Резван Е.А.* Коран и его мир. СПб., 2001.
22. *Соловьёв С.М.* История России с древнейших времен // Соловьёв С.М. Сочинения. Кн. 14. Т. 27. М., 1994.
23. *Фрим Д.* Тайны османского двора. Частная жизнь султанов. Смоленск, 2004.
24. *Хабутдинов А.Ю.* История Оренбургского магометанского духовного собрания (1788—1917): институты, идеи, люди. М.; Н. Новгород, 2010.
25. *Юнусова А.Б.* Ислам в Башкортостане. Уфа, 1999.
26. *Crews R.* Empire and the Confessional State: Islam and Religious Politics in Nineteenth Russia // American Historical Review. 2003. February.

Поступила в редакцию
4 сентября 2013 г.